

¹1927 год

Дайрен² – Танканцзы

21 июня. Сегодня в 8.10 утра мы выехали из Дайрена³ в Танканцзы⁴. Милейший К.В.Ловцов* проводил нас на вокзал, посидел с нами в вагоне. В разговоре упомянули наших хозяев, супругов Жерар де-Сукантон. К[онстантин] В[асильевич] сказал, что Юлия Николаевна [Жирар де Сукантон]* – идеальная женщина, энергичная, много работает, в прошлом году имела уроков на 200 иен. Очень «трясется» над дочерью. Сам же Жерар – «неудобный человек». Привык к широкой жизни, не может отрешиться от прежних замашек, занимает разом несколько комнат, т.е. бреется в одной, туфли у него в другой и т.д. Бедной Ю[лии] Н[иколаевне] приходится много с ним возиться, особенно теперь, когда они вынуждены ютиться в одной комнате. Относительно Ю[лии] Н[иколаевны] я согласилась с К.В.[Ловцовым]: она мне тоже симпатична. А «Левушка» Жерар просто enfant terrible⁵ нашего дома. За все время, что мы здесь прожили, я никогда не чувствовала к нему расположения, и он часто отпугивал меня своей манерой очень резко обо всем выражаться.

Итак, мы поехали. Места мы взяли во втором классе, боясь, что в третьем будет очень тесно. Чистота в нашем вагоне была отменная, все блестит, все очень нарядно. Бархатная обивка мягких, упругих диванов, дорожки из белого полотна на спинках сверху, где касаешься головой, фены, сетки на окнах – все новое, чистое, свежее. Но что нас особенно поразило – это появление каждые 20 минут в вагоне проводника с мухобойкой в руках, уничтожавшего и без того немногочисленных мух. Доживем ли мы когда-нибудь до такого идеального устройства на наших железных дорогах?

Пять часов езды до Танканцзы прошли незаметно. Мы все время глядели в окна вагона. День был солнечный, тихий. По обе стороны пути расстилались зеленые поля, на которых копошились китайцы в синих курмах⁶, а вдали высились горы – знаменитые маньчжурские сопки, с которыми связано у нас столько грустных воспоминаний о роковой для России войне с японцами.

¹ Подневные записи А.Н.Серебренниковой. Л. 31–36.

² О жизни в Дайрене см: НЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Дайрен // Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 97–104.

³ Дайрен, город и порт. Совр. Далянь, южная оконечность полуострова Гуаньдун, провинция Ляонин. Важнейший центр Южной Маньчжурии. После русско-японской войны сменил название Дальний на Дайрен, из него было вынуждено уехать почти все русское население. Располагалось Российское консульство.

⁴ Танканцзы, японский курорт с грязевыми ваннами, вблизи Мукдена.

⁵ Ужасный ребенок (фр.).

⁶ Разновидность китайской одежды: стеганный халат.

По путеводителю, имевшемуся у нас, оказалось, что в Танканцзы поезд стоит всего одну минуту. Я затревожилась, успеем ли мы выкинуть на платформу наши корзины и чемоданы, но все устроилось как нельзя лучше. Пришел проводник, вынес все наши вещи на площадку, и, когда поезд остановился и мы сошли на платформу, он быстро спустил все их нам, а рядом уже ждал отельный портер¹ с тележкой, куда вещи были тотчас погружены. Мы направились по широкой и длинной аллее парка к зданиям отелей, видневшимся из-за деревьев. Всего в курорте было три отеля: № 1, европейский, № 2, японский и № 3, китайский².

Все дешевые номера в № 2 и 3 оказались заняты— так, по крайней мере, нам сказали в конторе курорта. Показали нам в китайском отеле комнату на 3-м этаже: грязные стены, мебелировка— одна кровать, два кресла и стол, обитый черной ободранной клеенкой. Цена для двоих — 77 иен. Посмотрели еще одну комнату, внизу. Там еще хуже, мрачно, как в склепе, но зато стоит платяной шкаф с зеркалом. Мы решили взять верхнюю комнату: она, по крайней мере, светлая, в три окна, из которых красивый вид на парк и на зеленые холмы. Я потребовала вторую кровать и шкаф с зеркалом— принесли то и другое. Тотчас же я начала устраиваться: повесила на окна занавески, застлала постели, повесила платья в шкаф. Из корзин я устроила умывальник, закрыв их простыней, на обеденный стол постлала привезенную с собой цветную скатерть, на кресла положила подушки— и в комнате стало вдруг уютно и весело.

Устали мы в этот день страшно и рано легли спать. Но уснуть я долго не могла, как всегда на новом месте. Слишком яркими казались звезды, глядевшие в окна, шумели деревья в парке от ночного ветра, мешал грохот пролетающих мимо станции поездов,— чуть ли не каждые полчаса они проходили. С трудом заснула почти на рассвете.

22 июня. С удивлением и удовольствием отмечаю необыкновенное для китайской гостиницы явление: ни одного клопа, ни блохи, ни мухи, ни таракана не оказалось в нашей комнате.

Утром пошли знакомиться с курортом. Разговорились с двумя дачниками, мужем и женой, которые очень любезно рассказали и показали нам все: помещение грязевых ванн, три колодца с питьевой сернистой водой, горячий источник, купальни. Дама эта стирала в тазике белье около озера, черпая прямо оттуда тазиком горячую воду, и сказала, что вода превосходна для стирки. Мы погуляли, посмотрели парк, озера, беседки на них. Первое впечатление — хорошее.

На обед мы заказали себе китайских пельменей с куриным мясом и съели их с аппетитом: и сытно, и вкусно, и дешево— два цента штука, очень большие.

В 5 часов я пошла брать первую ванну³. Помещение неказистое: маленькие кабинки со скамьей для раздевания; за перегородкой ящик

¹ Porter (англ.) — носильщик.

² Об этом см.: НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Курорт // Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 105–107.

³ Об этом см.: НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Грязевые ванны // Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 107–108.

в виде гроба, в который через маленькое окошечко-прорез в стенке подают лопатой горячую грязь. Рядом, над полом — прорез побольше, через который отработанную грязь из ящика-ванны выкидывают обратно. Имеется горячий душ. Признаться, мне не особенно приятно было первый раз лезть в ящик, весь облепленный грязью, и, когда надо было, садясь туда, схватиться рукой за края ящика, я с трудом преодолела чувство отвращения. Потом мне стало смешно: сажусь в грязь и боюсь запачкать руки. Ама-китаянка обложила мне горячей грязью ноги и руки, когда я легла в ящик; сначала ощущение было приятное, но минут через пять мне стало трудно дышать, горячий пот выступил по всему телу, и я поторопилась выйти и встала под душ, который очень освежил меня. Придя домой, я закуталась в махровый халат и легла на два часа в постель; мне сказали, что это необходимо при лечении грязевыми ваннами.

Муж ходил гулять, вернулся к ужину. Встретил он здесь И.Н.Веревкина*, звал его заходить к нам.

23 июня. Ванну приняла утром, в 10 часов. К обеду, когда я только что оделась, пришел И.Н.Веревкин. Ему захотелось попробовать наших китайских пельменей, которые муж нахвалил ему вчера. Мы пообедали втроем. Пельмени нашему гостю понравились. В 4 часа пошли гулять. И[ван] [Николаевич] повел нас на ближайшую невысокую гору, на верхушке которой рос хороший сосновый лесок. День был нежаркий, с легким ветерком. На горе мы посидели в маленькой беседке. Вблизи нее, внизу проходят окопы, оставшиеся от Русско-японской войны, и находится несколько групп могил, чьих, неизвестно. Было так приятно дышать легким, чистым воздухом и запахом сосны, смотреть на расстилавшиеся у подошвы горы засеянные поля, от которых всегда исходит чудесная тишина и спокойствие. Как я рада, что мы сейчас не в душном, надоевшем Тяньцзине!

24 июня. Ночь была беспокойная, с сильным ветром, но это уже не мешало мне крепко уснуть. Проснулись мы оба в 5 часов утра. Я хотела в половине шестого принимать ванну, но почувствовала слабость и не встала. В половине седьмого все же пошла в ванны, но, увидев человек пять ожидающих очереди (4 еврейки, 1 еврей), вернулась, и очень кстати, как оказалось, ибо тотчас же сделался со мной сильный сердечный припадок, заставивший меня с час пролежать неподвижно в постели.

Оправившись, я пошла гулять с мужем по парку. День был пасмурный, без солнца, сильный ветер шумел между деревьями. Долго сидели в беседке над озером, смотрели, как в воде то там, то здесь вскипали кверху со дна пузырьки газа. Побывали на станции, где я послала через японскую почту, в Дайрен, прочитанные мной книги. Мы условились с К[онстантином] В[асильевичем], что он будет присылать мне книги из своей библиотеки по почте, и при отъезде я оставила ему список выбранных мной книг.

После обеда опять много гуляли и сидели в парке. Весь день у меня было очень скверное самочувствие, слабость сердца, вкус фосфора во рту и головная боль. По-видимому, будет гроза, ибо сейчас (9 вечера) начинают поблескивать молнии. Мое сердце и нервы сильно реагируют на грозу и ветер, а здесь они, кажется, часты.

25 июня. Всю ночь бушевала гроза с сильным ветром, но дождя было очень мало. Я не спала часов до трех, сердце мое было в ужасном состоянии, приходилось все время держать на нем холодный компресс. Были минуты, когда мне казалось, что я не переживу этой ночи.

Утром почувствовала себя лучше, пошла по парку рано, в половине 9-го. Было чудесно после грозы: небо синее, чистое, деревья блестят каждым листком, доносится нежный аромат тамариска и пряный, смолистый запах молодой сосны. Я медленно брела по широкой аллее парка, наслаждаясь и дыша полной грудью, и думала о том, какое облегчение и успокоение дает природа человеку...

В 10 часов приняла грязевую ванну. Не знаю, как пойдет мое лечение дальше: я и пяти минут не могла сегодня пролежать в горячей грязи из-за приступов сердечной слабости. Долго лежала потом в постели дома, читала, дремала. В 4 часа вышли с мужем в парк, сели на свою любимую скамью над озером. Муж сказал, что ему больше нравится здесь, чем в Пейтайхо и Хошигаура¹, что здесь тишина и простота. Я ухватилась за это и предложила ему остаться в Танканцзы на все лето. В самом деле, какая надобность нам возвращаться в душный и жаркий Дайрен?

С 5-ти до 7 часов вечера мы совершили отличную прогулку по полям, вдоль линии железной дороги.

26 июня. Сегодня, по случаю воскресенья, на курорт съехалось множество японцев из Мукдена и близлежащих мест. Интересное зрелище представляли они, когда направлялись от станции к своему помещению (здесь специально выстроено для приезжих длинное застекленно-здание — курзал): молодые японцы, японки с младенцами за спиной, старики и старухи, подростки с корзинами, мешками, ракетками для тенниса, ружьями, удочками — сплошной толпой, человек в 300—400, двигались мимо нас по широкой аллее парка, оживляя и заполняя парк разговорами и смехом. По общим отзывам, редко можно встретить больших любителей природы, чем японцы.

Тотчас же наш курорт преобразился: по большому озеру засновали по всем направлениям лодки с катавшимися японцами; на другом озере все полно купальщиками, тут же ребяташки удят рыбу; все беседки заполнились, все уголки парка зашумели. Под вечер я сидела над озером; один из катавшихся на лодке японцев играл на губной гармонике — нежные, свирельные звуки очень шли к неподвижному воздуху, к спокойной воде, к наступающему тихому вечеру, вызвали легкую грусть в моем сердце. Часам к семи медленно, небольшими группами, японцы начали растекаться к станции, в обратный путь, и парк снова опустел.

В курзале по воскресеньям, оказывается, бывает вечернее кино². Я с удивлением увидела афишу: «Опасная игра» с участием Реджинальда Денни, случайно занесенный сюда отзвук городской

¹ Дачная местность вблизи Дайрена.

² См. подробнее: HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Курортный быт // Мои воспоминания (1925—31): Рукоп. Л. 108—112.

культуры. Хотела было пойти, но раздумала: кинематограф без музыки — мертвая вещь.

27 июня. Опять гроза ночью, и сегодня бушует настоящая буря. Дней пять тому назад в Маньчжурии пронесся тайфун. Вероятно, все эти ветры и грозы здесь за последние дни — следствие этого тайфуна. Все же утром я успела часа два посидеть на солнышке в парке. Пришли из Дайрена книги, за которые я с жадностью ухватилась. Два дня провела без чтения — почта здесь действует довольно медленно — Боже, что за тоска была! Я уж начала даже читать англо-русский словарь, чтобы как-нибудь убить свободное время.

Пишу с трудом, очень болит рука, пальцы еле двигаются. Порой меня берет ужас: вдруг мне не помогут грязевые ванны, и я вернусь домой в прежнем состоянии, без рук! Почти два года я терплю эти жестокие боли, не прекращая работы и очень мало жалуясь. Многие мои знакомые и не подозревали даже, насколько сильны эти боли, которые тяжелы особенно тем, что им ни на минуту нет облегчения, и руки все время чувствуешь, как больной зуб. Ни один врач в Тяньцзине не мог понять этой моей болезни; последняя надежда моя — на горячие грязи Танканцзы.

29 июня. Опять сильная гроза была ночью, с ослепительными молниями и ураганом. И снова я мучилась бессонницей часов до четырех утра: было жарко, резко колотилось сердце, все тело точно пронизывал электрический ток, воздух в комнате пропитан был фосфором и затруднял дыхание. Какие здесь ужасные грозы!

Меня раздражает в Танканцзы ни на минуту не прекращающийся ветер: днем и ночью, — при дожде и при солнце одинаково дует, дует холодный и резкий, и почти не дает возможности сидеть в парке. После грязевых ванн нужно очень беречься простуды, и при таком ветре ее легко схватить.

5 июля. Прохладный вечер сегодня, очень свежий воздух льется легкой струей в раскрытое окно нашей комнаты. Я смотрю на небо, где по безбрежным ледяным полям белых перистых облаков одиноко странствует холодная неяркая луна. Какая отдаленность, какая пустынность этого неба, каким жутким чувством сжимается душа перед этой непонятной беспредельностью, из которой мы пришли и куда опять уйдем в назначенный час!..